



История семантики праславянских лексем *edīnъ и *samъ

History of the Semantics of the Proto-Slavic Lexemes *Edinŭ and *Samŭ

**Михаил Николаевич
Саенко**

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Mikhail N. Saenko

Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Согласно наиболее обоснованной точке зрения, в праиндоевропейском языке *sem- означало 'unus', а *HoīH- — 'solus'. В статье подробно разбираются аргументы за и против такой гипотезы. В праславянском мы наблюдаем распределение, обратное праиндоевропейскому: *samъ, опосредованно восходящее к *sem-, значило 'solus', а *edīnъ, продолжающее *HoīH-, имело значение 'unus'. В данной статье рассматривается, как именно в праславянском *somHos (> *samъ) 'idem' расширило значение сначала на 'ipse', а затем на 'solus'. Хотя в индоевропейских языках более распространённой является противоположная ситуация ('ipse' приобретает значение 'idem'), определённую параллель для такого перехода мы находим в истории древнегреческого αὐτός.

Ключевые слова

праславянский язык, праиндоевропейский язык, числительные, местоимения

Abstract

According to one of the most well-founded hypotheses, in the Proto-Indo-European language *sem- meant 'unus,' whereas *HoīH- meant 'solus.' In this article arguments for and against this hypothesis are examined in detail. In Proto-Slavic the reverse distribution is observed: *samъ, indirectly originating from *sem-, meant 'solus,' whereas *edīnъ, going back to *HoīH-, meant 'unus.' This article is an attempt to determine how *somHos (> *samъ) 'idem' in Proto-Slavic extended its

meaning first to 'ipse' and then to 'solus' and to analyze exactly how it happened. Although for the Indo-European languages the reverse situation is more common ('ipse' acquires the meaning 'idem'), a similar pattern for such a shift in meaning can be found in the history of Ancient Greek αὐτός.

Keywords

Proto-Slavic, Proto-Indo-European, numerals, pronouns

1. Данная статья ставит перед собой задачу описания процесса изменения семантики праславянских лексем **edinъ* 'unus' и **samъ* 'idem, solus, ipse', история которых неотделима друг от друга.

Поскольку эти слова были многозначны, то для корректного решения поставленной задачи нам понадобится нечто вроде семантической карты, включающей в себя сферу основных значений этих лексем. При составлении такой карты мы будем применять следующий формальный критерий: выделение оппозиции значений проводится только в том случае, если в каком-нибудь языке данная оппозиция выражается в противопоставлении отдельных лексем [Ельмслев 2006: 75–78] (графическое представление см. в [Насрелматн 2014: 237–238]).

Классификация значений, полученная при помощи такого метода, является более объективной, чем классификации, построенные на менее строгих основаниях и вследствие этого имеющие значительный элемент произвольности.

Для построения карты привлекались данные польского, чешского, болгарского, литовского, латышского, французского, итальянского, английского, немецкого, финского и венгерского языков. Использовались материалы двуязычных словарей, а также параллельных текстов (современных переводов Библии и параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка).

Поскольку для целей данной статьи такая семантическая карта является вспомогательной, мы выстроили лишь упрощённую модель, учитывающую только самые базовые значения и не принимающую во внимание многие нюансы. Так, классификации значений русского *сам* могут быть очень сложными и охватывать множество значений [Борисова 1990: 118–119; Кибрик, Богданова 1995; Кибрик 1996; Янко 2001: 286–287], то же относится и к его аналогам в других языках, однако нас в данном случае интересует только прототипическая для данного слова группа значений.

Согласно полученным данным, русскому *один* соответствуют следующие значения: 1) указание на количество предметов (*У тебя два яблока или одно?*); 2) неопределённое местоимение (*Он встретил одного*

друга); 3) определительное местоимение (*Они живут в одном (и том же) доме*); 4) показатель единичности субъекта, о котором идёт речь, причём здесь следует выделить три подзначения: 4а) других существей, кроме субъекта, нет (*Он живёт один*), 4б) других существей, кроме субъекта, нет (*У них [в семье] одни мальчики*), 4в) другие существей есть, но выбрана данная (*Только он / один он может сделать это*).

Русскому *сам* соответствуют такие значения: 5а) = 'лично' ([*В прошлый раз он попросил друга, теперь он сделал это сам*]); 5б) = 'без чужой помощи' ([*В прошлый раз ему помогли, теперь он сделал это сам*]); 5в) = 'по своему желанию' ([*В прошлый раз его заставили, теперь он сделал это сам*]).

Таблица 1. Соответствия русским лексемам *один* и *сам*
в некоторых европейских языках

	рус.	пол.	чеш.	болг.	лит.	лтш.
1	один	jeden	jeden	един	vienas	viens
2	один	jeden	jeden	един	vienas	viens
3	один (и тот же)	jeden	jeden / stejnŭ	един (и същ)	vienas (ir tas pats)	viens (un tas pats)
4а	один	сам	sám	сам	vienas	viens (pats)
4б	один / только	сам / tylko	sám	само	(tik) vienas / tik	viens / vien
4в	один / только	jeden / tylko	jedinŭ / jenom	само	(tik) vienas / tik	viens pats
5а	сам	сам	sám	сам	pats	pats
5б	сам	сам	sám	сам	pats	pats
5в	сам	сам	sám	сам	pats	pats
	фр.	ит.	англ.	нем.	фин.	венг.
1	un	uno	one	ein	yksi	egy
2	un	uno	one	ein	yksi / eräs	egy
3	le même	lo stesso	one / the same	ein / derselbe	yksi / sama	egy
4а	seul	solo / da solo	alone / by oneself	allein	yksin	egyedül
4б	seul	solo	only	nur	yksin / ainoastaan	egyedül
4в	seul	da solo	alone / only	allein / nur	ainoastaan	egyedül / csak
5а	même	stesso	oneself	selbst	itse	maga
5б	même	da solo / da sé	oneself	selbst	itse	maga
5в	même	da sé	oneself	selbst	itse	maga

Как видно из таблицы, значения 5а–в часто характеризуют одно и то же слово, из выбранных языков только итальянский использует разные лексемы (литературный синоним слова *stesso* — *medesimo* французского происхождения [РАТОТА 2002: 138] не учитывался). Далее мы увидим, что это немаловажно для понимания сдвигов в семантике интересующих нас праязыковых лексем.

2.1. Для праиндоевропейского традиционно реконструируются два корня со значением «один»: *sem- и *HoǵH-. Первый в основном значении 'один' сохранился только в греческом (εἷς 'один' (< *sems), gen. ἑνός; μία 'одна' (< *smih₂), gen. μιᾶς; ἕν 'одно' (< *sem), gen. ἑνός [БЕЕКЕС 2010: 394]), армянском (*mi* 'один' (изначально форма ж. р.) [МАТИРОСЯН 2010: 467–468]) и тохарском (тох. В *ʃe* 'один, тот же самый', тох. А *ʃa-* выступает только в словосложениях), при этом в тохарском формы косвенных падежей образованы от основы *som- [ADAMS 2013: 721–722]. Против реконструкции ном. sg. masc. в виде *sém [RINGE 2006: 52–53] или *sōm [МАТАСОВИЧ 1997: 171] с законом Семереньи говорит греческая форма.

Второй корень (варианты реконструкции: *oinos [СЕМЕРЕНЬИ 2002: 237]; *ou-k^wo- [IEN 1992: 370]; *oj-no-, *oj-ko-, *oj-wo- [WATKINS 1998: 67]; *Hoi(H)nos [БЕЕКЕС 2011: 237]; *h₁oi-no-s [ADAMS, MALLORY 2006: 308]; *h₁ou [BLAŽEK 1999: 157]; *h₃eyno- [МАТАСОВИЧ 2009: 305]) в значении 'один' распространён значительно шире. Балто-славянский акут указывает на наличие второго ларингала. Р. Матасович считает, что этого основания недостаточно, однако развёрнутой аргументации не приводит [Ibid.: 305]. Ф. Кортландт и Р. Дерксен здесь видят влияние форманта -īnas [DERKSEN 2015: 501].

В разных ветвях на эту основу были наращены три элемента: *-n- (греч. οἶνῃ / οἶνός 'очко на игровой кости', арх. лат. *oinos* 'один', пракельт. *oīnos 'один' [МАТАСОВИЧ 2009: 304–305], прагерм. *ainaz 'один' [KROONEN 2013: 11], алб. *një* 'один' (< *ainja) [OREL 1998: 304–305], п.-сл. *edinь, лит. *vienas*, лтш. *viēns*, прус. *ains*); *-k- (др.-инд. *ékaḥ*) и *-w- (греч. οἷος 'один, единственный, одинокий', авест. *aēuiō* 'один' (< *aǵwá- [ЭСИЯ, 1: 134–136]); санскр. *evá* 'так, едва, только, именно'). Существует вероятность, что этот корень присутствует и в анатолийской группе. Х. Айхнер считает, что хеттское 'I' можно читать как *ā- (< *oyo- или *oiyo-). Другими авторами предлагается чтение *šanna- и *ašma- [IEN 1992: 34]. Хеттск. 1-anki 'однажды' Айхнер толкует как образованное от *ām (ном.-асс. п.) или от *ānt- [Ibid.: 42–43]. Пухвел и Клукхорст читают его как *ānki* и возводят к *Hoǵonki [KLOEKHORST 2008: 181–182].

Имеется также и третий корень — *si-, восстанавливаемый на основании хеттск. *šia-* 'один' и гомеровского ἓα 'одна'. Р. Бекес полагает, что в прагреческом *sem было формой мужского рода, а *sih₂ — женского, и

приводит в качестве параллели санскритские формы дат. п. *tasmai* ‘ему’ и *tasyai* ‘ей’, где в элементах *-sm-* и *-sy-* он усматривает формы числительного ‘один’ [КЛОЕКНОРСТ 2008: 751]. Пино относит сюда же тохарские формы именительного падежа [PINAULT 2006]. Если эта гипотеза верна, то *si- может быть раннепраиндоевропейским числительным ‘один’, впоследствии вытесненным новым корнем *sem-.

2.2.1. А. Мейе считал *sem- основным обозначением числа ‘1’, а *oi- он приписывает прототипическое значение ‘seul’ [MEILLET 1949: 410]. Эту гипотезу поддержал Арумаа [ARUMAA 1985: 188–189]. К близкому, но не идентичному мнению склонялся О. Семереньи, рассматривавший *sem- как ‘один’ в значении совместности, единства, а *oi- как ‘einzig, allein’ [СЕМЕРЕНЬИ 2002: 237]. Р. Коулман тоже полагает, что корень *oi- имел значение ‘isolation, separateness’, в то время как *sem- — ‘inclusion, togetherness’, а суффикс *-no-, по его мнению, обозначал ‘completeness of a state’ [IEN 1992: 389]. Э. Зилер присоединяется к этому мнению, постулируя основное значение *ou- как ‘one-alone’, а *sem- как ‘one-together’ [SINLER 1995: 388]. Д. Адамс также определяет *sem-s как ‘united as one, one together’, однако основным обозначением ‘одного’ в праиндоевропейском он считает *h₁oi- [ADAMS, MALLORY 2006: 309–310]. В. Блажек проводит разграничение иначе: *sem- он определяет как ‘one = unity, togetherness’, а *H₁ou как ‘one [of two]’ [BLAŽEK 1999: 157].

Очевидно, что некоторые из этих авторов смешивают ‘один’ как числительное, служащее для обозначения количества (“ты видишь там одну овцу или две?”, значение 1 в нашей семантической карте), и ‘один’ как местоимение или прилагательное (значения 2–4). Даже если не выделять числительные в отдельную часть речи, как поступает ряд европейских грамматистов в отношении своих языков, нужно строго различать эти две вещи. Сложно себе представить, чтобы ‘один’ в плане количества обозначался двумя словами, различающимися семантически (‘один-вместе’ и ‘один-порознь’). Как будет показано ниже, такое представление о семантике этих корней происходит в первую очередь из дериватов, где подобная разница действительно возможна: ср. греч. *μόνο-πους* ‘одноногий’ и *ἀ-δελφός* ‘брат’ (внутренняя форма: ‘со-маточный’, то есть вышедший из одной матки).

Таким образом, только одно из этих слов могло употребляться как числительное, а второе имело изначально какое-то другое значение, со временем его изменив.

В пользу большей архаичности корня *sem- приводят следующие аргументы: географическое распределение; бóльшая морфологическая архаичность *sem-; бóльшая распространённость *sem- в дериватах; этимологическая непрозрачность *sem- при наличии у *HoiH- этимологии [SINLER 1995: 405].

2.2.2. Географическое распределение действительно говорит в пользу того, что в позднепраиндоевропейском в роли числительного 'один' скорее выступало слово *sems, а *НоїНs стало приобретать это значение уже на этапе распада праязыка, после чего заняло большую часть индоевропейского ареала, не сумев вытеснить старый корень только на двух не связанных между собой островках (греко-армянском и тохарском). Тем не менее теоретически такое распространение можно списать на независимые инновации в отдельных группах, поэтому большое внимание следует уделить и другим аргументам.

2.2.3. Атематическое склонение *sems, противопоставленное более новому тематическому склонению дериватов *НоїН-, иногда рассматривается как показатель архаичности первого корня и инновативности второго [SINLER 1995: 405].

Однако есть все основания полагать, что *НоїН- также изначально было свойственно именно атематическое склонение. Так, балто-славянская форма с другой ступенью аблаута (*einos) говорит о наличии в склонении *НоїН- чередования по аблауту в корне, наиболее характерного именно для атематических основ. Перевод при помощи различных суффиксов из атематического склонения в тематическое при помощи различных суффиксов чрезвычайно распространён в индоевропейских языках как у существительных, так и у местоимений.

Параллель элементу *-ц- обнаруживается в греч. *μόνος* 'один' < *monwos [БЕЕКЕС 2010: 965–966] и греч. *ὅλος*, санскр. *sárvaḥ*, авест. *haurva-* 'весь, целый', тох. А *salu* 'полный, полностью', алб. *gjallë* 'живой' < *sol(H)цос, лат. *salvus* 'целый, невредимый' < *s|Hu-; с другими суффиксами: хеттск. *šalli-* 'большой' < *solH-i-, тох. В *solme* 'полный, полностью', хотанск. *harmä* 'каждый, всякий' < *solmos, лат. *sollus* 'целый, полный' < *sol(H)nos [КЛОЕКНОРСТ 2008: 709–711; ЭСИЯ, 3: 372–373; БЕЕКЕС 2010: 1072; OREL 1998: 129–130; DE VAAN 2008: 537, 571–572; ADAMS 2013: 771]. Форму *solh₂wos Бекес считает вторичной тематизацией *solh₂-u- [БЕЕКЕС 2010: 1072]. Ср. аналогичную тематизацию у праславянских существительных *doru > *derwo 'дерево' и *lendu > *lędwo 'ляжка', а также у лит. *leñgvas* 'лёгкий' вместо *lengus и жем. *tėvas* 'тонкий' вместо *tinHus (оба прилагательных с вриддхированием корня) [SMOCZYŃSKI 2007: 673].

Суффикс *-k- в праславянском активно использовался для образования диминутивов. Он же участвовал в тематизации атематических существительных и прилагательных: *āblu > *ablъko 'яблоко' (первоначально 'яблочко'), *sirdi > *sърdъko 'сердце' (первоначально 'сердечко'), *sulni > *sълnъko 'солнце' (первоначально 'солнышко'), *inzūs > *ęzyкъ 'язык', *k(u)цons (G. *kunes) 'собака' > *soцkā > *suka 'сука', *owis > *owikā > *owъka, *w|k^wiH > *wilkī > *wылčika 'волчица'; *česнь (*-u-) >

*česnъкъ ‘чеснок’, а также *blizъкъ ‘близкий’ < *bleizus, *gladъкъ ‘гладкий’ < *glādus, *kortъкъ ‘короткий’ < *kortus, *lъgъкъ ‘лёгкий’ < *lingus, *mъkъкъ ‘мягкий’ < *minkus, *nizъкъ ‘низкий’ < *neizus, *qzъкъ ‘узкий’ < *onzus, *soldъкъ ‘сладкий’ < *soldus, *тъпъкъ ‘тонкий’ < *tinus и др.

Встречается в этой роли и суффикс *-n-: п.-сл. *sěнь < *skoHi- [DERKSEN 2008: 447]. Исходное праиндоевропейское существительное реконструируется как *skéh₂-ih₂ (gen. *skh₂-iéh₂-s) [BEEKES 2010: 1351] или *skoih_a (gen. *skiyéh_as) [ADAMS 2013: 773]. Интересно, что к тому же корню, скорее всего, относится образование с элементом *-w-: лат. *scaevus* ‘левый’, греч. *σκαίός* ‘левый’ [DE VAAN 2008: 541–542].

Любопытную параллель в использовании суффиксов *-w-, *-k- и *-n- демонстрируют производные от глагола *(H)reiH- ‘течь’: п.-сл. *rěka ‘река’, лат. *rīvus* ‘ручей’ [DE VAAN 2008: 524–525], ср.-ирл. *rián* ‘море, океан’ < *rēnos [MATASOVIĆ 2009: 309]. Если допустить, что в праиндоевропейском существовало атематическое существительное *(H)reiHs ‘поток’, а суффикс *-k- в данном случае идентичен *-k-, о котором говорилось выше, параллель становится полной.

Эти данные позволяют предположить, что *HoїH- первоначально изменялось по корневому типу с качественным аблаутом: ном. *HoїHs, ген. *HeїHes. Затем эта основа была распространена при помощи суффиксов, использовавшихся для тематизации. Это хорошо объясняет высокую вариативность континуантов данного слова.

В качестве аналогии можно привести ситуацию из славянских языков: континуанты п.-сл. *тъ были всевозможными способами расширены в большинстве языков-потомков: русск. *том*, укр., бел. *той*, с.-хр. *tâj*, болг. *той* ‘он’, *този* ‘этот’, чеш., слвц., польск., н.-луж. *ten*, в.-луж. *tón*. Если бы мы располагали данными только современных языков, восстановить исходную форму без внешнего сравнения было бы не так уж легко (правда, здесь бы нам помогли формы косвенных падежей). Расширению подверглись в ряде славянских языков и формы местоимения *wъхъ ‘весь’: болг. *всичкият* (опр. форма), польск. *wszystek*, чеш. *všechen*, *všesek* (в литературном языке сохраняется и *veš*), слвц. *všetok*, причём если в чешском старая основа сохраняется в косвенных падежах, то в польском и словацком наращение проникло во все падежные формы. Высокая вариативность расширений очень похожа на ситуацию с праиндоевропейским *HoїH-.

Вероятно, ошибочной является гипотеза, при которой суффиксальные элементы сопоставляются с дейктическими элементами в иранских указательных местоимениях [ЭСИЯ, 1: 134–136], поскольку праиранские указательные местоимения (*ai-ša-, *ai-ta-, *ai-ua-, *ai-na- [ЭДЕЛЬМАН 1990: 56]) не вполне параллельны в этом отношении: указательного

местоимения с основой *k- или *k^w- в праиндоевропейском не было, следовательно, санскритская форма остаётся необъяснённой.

Таким образом, бóльшая морфологическая архаичность является довольно слабым аргументом: если принять, что суффиксы *-n-, *-w- и *-k- служили для тематизации старой атематической основы, то *NoiNs оказывается ничуть не менее архаичным, чем *sems.

2.2.4. К этимологическому аргументу также следует отнестись с осторожностью: выведение *NoiNs из анафорического местоимения *Ni- (что подкрепляют наличием гомеровского ἓα ‘одна’ < якобы *NiH- [SINLER 1995: 405]) сталкивается с серьёзной трудностью в виде наличия в праформе второго ларингала. Сходство с анафорическим местоимением может быть и случайным, особенно если учесть наличие внешних параллелей в уральских и алтайских языках [ВЛАЖЕК 1999: 156]. Кроме того, как уже упоминалось выше, гомеровская форма может восходить к совсем другому корню.

2.2.5. Намного большее значение имеет распространение дериватов от корня *sem-, встречающихся практически во всех ветвях индоевропейской семьи, в том числе в виде изолированных реликтов.

Среди дериватов имеются как древние и широкораспространённые, так и новые, появившиеся уже после распада праиндоевропейского языка. Один из самых распространённых дериватов — местоимение *somNos (ларингал постулируется из-за отсутствия действия закона Бругмана в санскрите). Рефлексы в отдельных ветвях см. в 3.1.

Другие распространённые дериваты — с суффиксом *-ter-: греч. ἕτερος ‘другой, один (из обоих), тот или другой, кто-либо из обоих’ < *sm^h-tero- [BEEKES 2010: 475]; др.-валл. *hanther* ‘середина, половина’ < п.-кельт. *santero- [MATASOVIĆ 2009: 351]; готск. *sundro* ‘по одиночке, порознь’ < п.-герм. *sundra- (есть и альтернативная этимология) [LENMANN 1986: 329; OREL 2003: 386–387]; с суффиксом *-l-: лат. *similis* ‘похожий, подобный’ < *sm^h₂-el-i- [DE VAAN 2008: 564–565], греч. ὀμᾶλος ‘равнинный, ровный’ < *sem^h₂-l- [BEEKES 2010: 1074–1075], п.-кельт. *samali- ‘сходство’ (др.-ирл. *samail* ‘похожий’) < *sm^h₂-eli- или *sem^h₂-li- [MATASOVIĆ 2009: 320].

Возможно, сюда же относится форма *sēmi, которую, как правило, возводят к loc. sg. от *sems: санскр. *sāmī-* ‘полу-’ [MAURHOFFER, 2: 725]; лат. *sēmi-* ‘полу-’, греч. ἡμι- ‘полу-’; п.-герм. *sēmi- > днв. *sāmi-*, д.-англ. *sām-* ‘полу-’ [OREL 2003: 328]. Де Ван предполагает сдвиг значений ‘в одном’ > ‘один из двух’ > ‘полу-’ [DE VAAN 2008: 553]. Бекес считает, что первоначальным значением было ‘в одной части (из двух)’ [BEEKES 2010: 519–520]. Айхнер полагает, что первичным значением было ‘belonging to a unity, forming a whole’ (степень долготы он объясняет двойным вриджированием:

*sm- ‘one’ > **semó- ‘unit’ > *sēmí- ‘forming a unit’) [IEN 1992: 63]. Гамкрелидзе и Иванов видят в *-i- не окончание местного падежа, а тематический элемент прилагательного при словосложении [ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984: 843]. Зилер отрицает связь этих двух корней и выводит *sēmi из *seh₁mi- [SINLER 1995: 406–407].

Новые дериваты: лат. *semper* ‘всегда’ < *sm̥-per [DE VAAN 2008: 553]; лат. *simplex* ‘простой’ < *sm̥-plak- [IBID.: 553]; лат. *simplicis* ‘простой’ < *sm̥-plo- [IBID.: 553]; лат. *semel* ‘однажды, один раз’ < *sm̥-mēlom [SINLER 1995: 406]; лат. *sincērus* ‘настоящий, неподдельный, подлинный’ < *sm̥-keh₂i-r/so- ‘целый’ [DE VAAN 2008: 565]; готск. *simle* ‘однажды’ < *semlom [LENMANN 1986: 304]; готск. *sinteins* ‘ежедневно’ < *sem-dey-no- [IBID.: 305]; санскр. *sakṣt* ‘один раз’, ав. *hakərət* ‘один раз’ < *sm̥-k^(w)rt- [МАУРНОФЕР, 2: 683]; греч. ἄπαξ ‘один раз, однажды’ < *sm̥- + *peh₂ĝ- (πήγνυμι ‘вонзаю, всаживаю, втыкаю’) [БЕЕКЕС 2010: 113].

Сюда же относятся балто-славянские префиксы со значением совместности: прусск. *sen-*, лит. *sán-/sám-/sá-*, прасл. *sɔ/*sъp-, которые соответствуют ведическому предлогу *sam*: **sam** *usadbhir ajāyathāḥ* (Ригведа I: 6, 3) “**Вместе** с зорями ты родился” [ЕЛИЗАРЕНКОВА, 1: 9]; **sam** *māgne varcasā srja sam prajāyā sam āyuṣā* (Ригведа I: 23, 24) “**С** блеском меня соеди́ни, **с** потомством, **с** долгой жизнью!” [IBID.: 28].

В хеттском данный корень сохранился в виде частицы *-(š)šan* < *som, выражающей нахождение сверху чего-то, вблизи чего-то и употребляющейся в обозначениях счёта или измерения [КЛОЕКНОРСТ 2008: 718]. Айхнер также возводит к этому корню хеттск. *šanai-* / *šani-* ‘one and the same, a single one’ [IEN 1992: 45–46], что оспаривается Клуэкнорстом [КЛОЕКНОРСТ 2008: 722–723].

Представление о *sem-, выражающем совместность, единство, базируется именно на префиксе *sm̥-, поэтому важно отметить, что имеются примеры, в которых *sem-/*sm̥- выступает в значении раздельной единичности, например, санскр. *sahásram* ‘тысяча’, ав. *hazaṅra-* ‘тысяча’ < *sm̥ ĝ^héslom ‘одна тысяча’¹ [МАУРНОФЕР, 2: 719–720]; лат. *mille* ‘тысяча’ < *smih₂ ĝ^heslih₂ [DE VAAN 2008: 379–380] при греч. χίλιοι ‘тысяча’ < ĝ^heslo- [БЕЕКЕС 2010: 1633–1634]. Другим ярким примером является лат. *singulus* ‘одиночный, единичный, отдельный, единственный’ < *sem-go-lo- [WALDE, HOFFMANN 2: 544], где значение ‘совместной’ единичности совершенно не просматривается.

Это позволяет считать, что исконным числительным ‘1’ было именно *sems, а *HoǐNs имело некое близкое к нему значение. Позднее *HoǐNs вытеснило *sems в значении ‘1’ в большинстве ветвей, кроме греческой,

¹ Впрочем, здесь возможна и альтернативная трактовка: не ‘одна тысяча’, а ‘целая тысяча’.

тохарской и армянской, однако *sems широко сохранилось в виде дериватов.

Следует отметить, что в ситуации, когда на роль праиндоевропейского ‘один’ претендует целых два хорошо засвидетельствованных кандидата, причём восстанавливается картина замещения одного из них другим, было бы ошибочным отказывать праиндоевропейскому в существовании числительного ‘один’ вовсе, как это делает Мажюлис [1956: 54], а также Гамкрелидзе и Иванов [1984: 843–844].

2.3. Важно, что в греческом сохраняются оба корня. В Илиаде мы встречаем противопоставление εἷς ‘один’ (значение 1) — οἷος ‘один’ (значение 4а–4в), переносимое Мейе на праиндоевропейский уровень.

Примеры на первое значение: αὐτὰρ ἐμοὶ γέρας αὐτίχ’ ἐτοιμάσατ’ ὄφρα μὴ οἷος // Ἀργείων ἀγέραστος ἔω, ἐπεὶ οὐδὲ εἶοικε “Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском // Я без награды **один** не останусь: позорно б то было” (перевод Н. И. Гнедича) — “But provide me with a prize of honour forthwith, lest I **alone** of the Argives be without one, since that would not be proper” (перевод О. Мюррея) (Илиада I: 118–119); οὐκ οἷος, ἅμα τῷ γε Λεοντεὺς ὄζος Ἄρηος // υἱὸς ὑπερθύμοιο Κορώνου Καίνεϊδαο “Он предводил не **один**, но при нем Леонтей бранодушный, // Отрасль Ареева, чадо Кеня, Коронова сына” — “Not **alone** was he, but with him was Leonteus, scion of Ares, the son of Caenus’ son, Coronus, high of heart” (Илиада II: 745–746).

Примеры на значение 4а–в: στῆ δ’ ὀπίθεν, ξανθῆς δὲ κόμης ἔλε Πηλεΐωνα // οἷφ φαινομένη τῶν δ’ ἄλλων οὐ τις ὄρατο “Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида, // **Только** ему лишь явленная, прочим незримая в сонме” — “She stood behind him, and seized the son of Peleus by his fair hair, appearing to him **alone**” (Илиада II: 197–198); πολλὰκι γάρ σεο πατρός ἐνὶ μεγάροισιν ἄκουσα // εὐχομένης ὅτ’ ἔφησθα κελαινεφεῖ Κρονίωνι // οἷῃ ἐν ἀθανάτοισιν ἀεικέα λοιγὸν ἀμῦναι “Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал, // Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак, // Ты из бессмертных **одна** отвратила презренные козни” — “For often I have heard you glorying in the halls of my father, and declaring that you **alone** among the immortals warded off shameful ruin from the son of Cronos, lord of the dark clouds” (Илиада I: 396–398).

После распада праязыка в отдельных группах стали возникать новые слова для обозначения ‘alone’. Сюда относятся греческое μόνος < *mónwos < *men- ‘маленький’ [БЕЕКЕС 2010: 965–966]; алб. *vetëmë* ‘alone’ < *vetë* ‘сам’ (< *swe-) [MEYER 1891: 468]; класс. арм. *miaynak* ‘alone’ < *mi* ‘один’ [MARTIROSYAN 2010: 467].

В латыни появилось слово *sólus*, образованное от того же корня *s₁H-, что *sollus* ‘целый, полный’ и *salvus* ‘целый’ [DE VAAN 2008: 573]. В языке

Плавта *solus* употребляется в значении 4а, при этом в значениях 4б–в используется *unus*: *hic soli sumus* “мы **одни**” (Poenulus, 891); *ПАМФН. Solus cenabo domi? GEL. Non enim solus: me vocato* “ПАМФИЛИПП: **Одному** обедать дома? ГЕЛАСИМ: Нет, не **одному**: меня пригласи” (Sticchus, 599–600); *est illic mi una spes cenatica* “надежда на обед **одна** мне там” (Captive, 496); *Te unum ex omnibus amat* “Тебя она **единственного** любит” (Truculentus, 186). Немаловажно, что у Плавта *solus* употребляется также в значении 5б: *dimidiam partem nationum usque omnium subegit solus intra viginti dies* “И половину всех как есть народностей — за двадцать дней все это покорил **один**” (Curculio, 447–448).

В готском *ains* употребляется и как числительное и как местоимение (в значениях 4а–в): *Jah anaks insafhwandans ni þanaseiþs Iēsu áinana miþ sis* [WRIGHT 1966: 246] “καὶ ἐξάπινα περιβλεψάμενοι οὐδέτι οὐδένα εἶδον ἀλλὰ τὸν ἰησοῦν **μόνον** μεθ’ ἐαυτῶν” — “И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме **одного** Иисуса” (Мк 9:8); *nibái kaúrnō háiteis gadriusandō in airþa gaswiltiþ, silbō áinata aflifniþ* [IBID.: 279] “ἐὰν μὴ ὁ κόκκος τοῦ σίτου πεσὼν εἰς τὴν γῆν ἀποθάνῃ, αὐτὸς **μόνος** μένει” — “если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется **одно**” (Ин 12:24). Позднее в германских языках появился новый способ выражения значения *solus* — из словосочетания ‘весь один’: нем. *allein*, датск. *alene*, англ. *alone*.

В древнеирландском *óin/óen* также употребляется не только как числительное, но и в значениях 4б–в, ср.: *Mad uathad dochanat form, // ní airfithiud nach n-oenchorn* “Wenn es wenige sind, die für mich ertönen, // **ein einzelnes** Horn ist kein Ergötzen!” — “Few make music here for me, // Joy I’ve none in **single** horn”; *Senfocul so srethaib cland, // ni lassamain cech n-oenchrand* “Ein altes Wort dieses in Reihen von Geschlechtern: // Kein Flammen jedes **einzelne** Scheit!” — “This old saying, ages old: // **Single** log gives forth no flame” [WINDISCH 1905: 320–321; DUNN 1914: 173]. В значении 4а употребляется словосложение *óenar* ‘один человек’: *M’oenurán dam ar eitib // acht nis leicim nis étaim, // atu im ulc, nim fuil im maith, // m’oenur dam ar ilathaib* “**Allein** muss ich sein bei den Herden, // lass ich sie auch nicht, so bekomme ich sie (doch auch) nicht! // Es geht mir schlecht, nicht geht es mir gut, // **allein** ich an den vielen Furten!” — “I **alone** these cattle guard, // Leave them not, yet hold them not. // Ill my plight, no hope for me, // Thus **alone** on many fords!” [WINDISCH 1905: 320–321; DUNN 1914: 173].

Напротив, в Ригведе, как кажется, все значения выражаются словом *ekaḥ*: *ko asya śusmaṁ taviṣiṁ varāta eko dhanā bharate apratitaḥ* (Ригведа V: 32, 9) “Кто удержит его ярость, (его) силу? // Тот, кому нет равных, **один** уносит награды” [ЕЛИЗАРЕНКОВА, 2: 33]; *ya ekaś carṣanīnām vasūnām irajyati indrah pañca kṣitinām* (Ригведа I: 7, 9) “Кто **один** над людьми, //

Над богатствами царствует, // Индра — над пятью поселениями (племен) [ИВІД., 1: 11]; *sthiram manaś cakṛṣe jāta indra veṣīd eko yudhaye bhūyasaś cit* (Ригведа V: 30, 4) “Едва родившись, ты закалил (свой) дух, о Индра. Ты стремишься **один** побороть даже превосходящих (врагов)” [ИВІД., 2: 30].

В прабалтославянском **óinos*, как и в большинстве других ветвей, вытеснило **sems* в качестве числительного, при этом в праславянском и правосточно-балтийском в корне была обобщена ступень аблаута ‘е’.

В литовском и латышском *vienas* и *viens* используются во всём спектре значений 1–4. Однако для позднего праславянского слову **edinъ* можно приписывать только значение ‘one’, в качестве ‘alone’ служило слово **samъ*, производное от корня **sem-*, то есть в праславянском корне **sem-* и **НоїН-* как будто поменялись местами.

3.1. Праиндоевропейское **somNos* хорошо представлено в различных ветвях: тох. В *somo* ‘одну’ (acc. sg. f.), *seme* ‘одного’ (acc. sg. m.) [ADAMS 2013: 722]; санскр. *samāh* ‘равный, одинаковый, подобный’; ав. *hama-* ‘тот же самый’ [МАУРНОФЕР, 2: 733]; греч. *ὁμός* ‘один и тот же, одинаковый, равный, общий, один’ < **som-h₂-ó-* [ВЕЕКЕС 2010: 1079]; п.-герм. **sama(n)-* > готск. *sama*, д.-сканд. *samr*, *sami*, д.-в.-н. *samo* (все означают ‘тот же самый’) [ЛЕНМАНН 1986: 294–295; OREL 2003: 317–318; KROONEN 2013: 425], дериват: **samjanan* > готск. *samjan* ‘стараться угодить’, д.-сканд. *semja* ‘приводить в порядок; расставлять’ [ЛЕНМАНН 1986: 295; OREL 2003: 317]; п.-кельт. **somo-* > др.-ирл. *-som* эмфатическое местоимение 3-го лица [МАТАСОВИĆ 2009: 351]; прасл. **самъ* ‘сам, один’. Сюда же относится **sm̥Nos* > п.-герм. **suma-* > гот. *sums*, д.-сканд. *sumr*, д.-анг. *sum*, д.-в.-н. *sum* (все означают ‘some(one)’) [ЛЕНМАНН 1986: 328–329; OREL 2003: 385–386; KROONEN 2013: 491], санскр. *samaḥ* ‘каждый, любой’ [МАУРНОФЕР, 3: 436–437]. Зилер рассматривает эту форму как тематизацию двойственного числа (**semh₁*) от **sem-* с этимологическим значением ‘пара’ [SINLER 1995: 406]. Наличие этих слов заставляет Гамкрелидзе и Иванову считать, что числительное **sems* — местоименного происхождения [ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984: 842–843]. Однако куда вероятнее, что производно именно местоимение, имеющее в своём составе суффикс.

В чешском “Этимологическом словаре славянских языков” **самъ* пытаются вывести из праиндоевропейского **s(e)w(o)* [ESSJ, 2: 594], однако при наличии хорошо реконструирующегося **somNos* и выводимости значений 4 и 5 из 3 (см. ниже) такая этимологизация является избыточной.

По всей видимости, исходным значением **somNos* было ‘тот же самый, одинаковый, равный’ (значение 3). Об этом говорит схожее употребление этого слова в Ригведе и у Гомера: *samau cid dhastau na samam*

viviṣṭaḥ sammātarā cin na samam duhāte yamayōs cin na samā vīryāṇi jñātī cit santau na samam prñītaḥ (Ригведа X: 117, 9) “Две руки, хоть и **одинаковы**, не делают **одинаковой** работы. Две коровы, хоть и от **одной** матери, **неодинаково** доятся. Даже у близнецов силы не **одинаковы**. **Неодинаково** дарят двое даже кровных родных” [Елизаренкова, 3: 175]; οὐ γὰρ πάντων ἦεν ὁμοῦς θρόος οὐδ' ἴα γῆρυς, // ἀλλὰ γλῶσσα μέμιχτο, πολύκλητοι δ' ἔσαν ἄνδρες “крик сей и звук их речей не у всех **одинаковы** были, // но различный язык разноземных народов союзных” — “for they had not all like speech or one language, // but their tongues were mingled, and they were a folk summoned from many lands” (Илиада IV, 437–438); ἦ μὰν ἀμφοτέροισιν ὁμὸν γένος ἦδ' ἴα πάτρην, // ἀλλὰ Ζεὺς πρότερος γεγόνει καὶ πλείονα ἦδῃ “Оба они и единая кровь и **единое** племя; // Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал” — “Both the twain verily were of **one** stock and of one parentage, but Zeus was the elder born and the wiser” (Илиада XIII, 354–355).

Параллели для такого словообразования мы находим не только в русск. ‘один’ > ‘одинаковый’, но и в лтш. *viens* ‘один’ > *vienāds* ‘одинаковый, равный’.

В “Этимологическом словаре славянских языков” слову *samъ пытаются приписать конкретное значение ‘человек (как член семьи)’ [ESSJ, 2: 594], однако у такой этимологизации нет никаких фактических оснований (значение ‘глава семьи, муж’ у *samъ явно вторично).

Фонетически *samъ (< *sōmos) выводится из *somNos с точностью до вокализма корня. При этом в авестийском наряду с *hama-* мы находим также вариант *hāma-* [ВАРНОЛОМАЕ 1904: 1803]. Существует мнение, что долгота в авестийском может быть ошибочным чтением графики среднеперсидских писарей [МАСНЕК 1968: 537; DE VAAN 2003: 71]. Даже если согласиться с этим спорным утверждением, мы всё равно должны будем постулировать для праиндоиранского дублетную форму с долгим вокализмом из-за пали *sātam* ‘сам’, панджаби *sāvā*, *sātā* ‘равный, ровный’, фарси *hāmīn* ‘равнина’ [МАУРНОФЕР, 3: 437]. Таким образом, долгий гласный в п.-сл. *samъ появился ещё в допраславянскую эпоху.

3.2. В праславянском данное слово должно было расширить сферу своего значения с 3 на 4 и 5. Так, в “Этимологическом словаре украинского языка” предлагают следующую цепочку изменений: подобный > такой же > не иной > не другой > именно этот > только этот > один, сам [ЕСУМ, 5: 171]. Однако подобную цепочку можно придумать для любых двух произвольно взятых слов, и реконструкция праязыковой семантики, конечно, должна осуществляться на более строгих основаниях.

Если же попытаться доказать возможность такого сдвига данными других языков, то мы столкнёмся с тем, что очень часто встречается обратное расширение значений: ‘сам’ (значение 5) > ‘тот же самый’ (значение 3). Например, во французском *même* означает ‘сам; тот же самый’, но первично значение ‘сам’, поскольку *même* восходит к нар.-лат. **metipsimus*, производного от **metipse* — сложения *met* ‘сам’ и *ipse* ‘сам’. То же относится и к итальянскому *stesso* ‘сам (5a); тот же самый’, этимологически *iste* ‘этот’ + *ipse* ‘сам’.

Параллель к расширению значения ‘сам’ (значение 5) > ‘один’ (значение 4a) мы также находим в английском, где *by oneself* ‘сам’ может употребляться в качестве синонима слова *alone*: *But Bosch said he was going by himself if Edgar didn't come in* “Но Босх сказал, что если Эдгар не поедет, то он отправится туда **сам**” (M. Connelly, *City Of Bones*); *He mostly was by himself* “Он почти все время проводил **в одиночестве**” (M. Connelly, *City Of Bones*; цитируется по Национальному корпусу русского языка: <http://ruscorpora.ru/>).

Точкой перехода в случае с французским, вероятно, является значение 5a (= ‘лично’), а с английским — 5б (‘сам = без чужой помощи’).

Ещё один хороший пример мы находим в албанском: *vetëmë* ‘alone’ < *vetë* ‘сам’ (< **swe-*) [MEYER 1891: 468].

Тем не менее определённую параллель праславянскому семантическому изменению можно найти в древнегреческом, в котором *αὐτός* означало ‘сам, один (alone), тот же самый’ (значения 5, 4, 3), в последнем случае с артиклем — *ὁ αὐτός*, стяжённая форма — *αὐτός: ἀλγῆσας ὀδύνησι, μέσῳ δ' ἐνὶ κάββαλ' ὀμίλῳ, // αὐτὸς δὲ κλάγξας πέτετο πνοιῆς ἀνέμοιο* “змея, отбросил орел, уронил посреди ополчения; // **сам** же, крикнувши звучно, понесся по веяню ветра” (Илиада XII: 206–207); *Τυδείδης δ' αὐτός περ ἐὼν προμάχοισιν ἐμίχθη* “но Диомед, и **один** оставаясь, вперед устремился” (Илиада VIII: 99); *οὐ κόσμῳ παρὰ ναῦφιν ἐλευσόμεθ' αὐτὰ κέλευθα* “но от судов не в устройстве мы **тем же** путем возвратимся” (Илиада XII: 225).

Данное слово возводят к слиянию *αῦ* ‘снова’ и *τόν* ‘это’ [BEEKES 2010: 173]. Если эта этимология верна, то первоначальным значением данного слова должно было быть ‘тот же самый’, а ‘сам’ и ‘один (alone)’ появились позже. В таком случае, возможно расширение значения не только в направлении 5 > 4, 3, но и в обратном, что, по всей видимости, и произошло в праславянском.

3.3. Таким образом, для исследуемой группы значений в праиндоевропейском, прабалтийском и праславянском можно восстановить следующую картину:

Таблица 2. Соотношение праиндоевропейских, прабалтийских и праславянских слов для 'unus', 'idem', 'solus' и 'ipse'

значения	поздне-праиндоевр.	прабалт.	позднепраслав.
1, 2	*sems	*a ₁ inas ~ *e ₁ inas	*edinъ
3	*somHos	*a ₁ inas ~ *e ₁ inas / *tas subas	*edinъ / *тъ samъ
4	*Ho ₁ Hs	*a ₁ inas ~ *e ₁ inas	*samъ
5	*suce-	*subas	*samъ

При этом реконструируется следующая история семантических переходов:

а) В большинстве диалектов позднепраиндоевропейского континуанты *Ho₁Hs расширяют сферу своей семантики, вытесняя *sems в значениях 1 и 2. Аналогичная инновация впоследствии произошла в русском, причём она носит не всеобщий характер: 'сам' в значении 4 фиксируется в русских говорах [СРНГ, 36: 72]. Поэтому стремления отказать слову *samъ в значении 'solus' [ESSJ, 2: 590; REJZEK 2001: 560–561] беспочвенны.

б) В праславянском *samъ расширяет значение с 3 на 5, а затем и на 4. Попытка перечисления значений *samъ в славянских языках сделана в [ESSJ, 2: 589–592].

в) В прабалтийском континуанты *somHos утрачиваются.

г) В восточно-балтийском инновативное *pats* (от *patis 'хозяин', ср. авест. х^ваёрати- 'сам' < *х^ва₁i-pati- 'сам (себе) хозяин' [ЭСИЯ, 3: 427] и противоположное изменение у лат. *ipse* 'сам' > 'сам, хозяин') вытесняет старое *subas, восстанавливаемое на основании прусск. *sup* 'сам, (тот же) самый' [STANG 1966: 238] в значениях 3 и 5.

4. Заключение

Произведённый в статье анализ позволяет сделать следующие выводы:

а) Индоевропейский материал подтверждает предположение Мейе, согласно которому *sems изначально выступало в роли числительного 'unus', а *Ho₁Hs было местоимением 'solus'. Попытки приписать им значения вроде 'one-alone' и 'one-together' необоснованны и базируются на неполном учёте данных словообразования. Исконная семантика этих лексем сохранилась в древнегреческом. Впоследствии в большинстве ветвей индоевропейской семьи *Ho₁Hs расширило свою семантику, вытеснив *sems в значении 'unus'.

б) Есть основания полагать, что *НојНs изначально было корневой основой с качественным аблаутом в корне.

в) Дериват *sems — *somNos первоначально означал ‘idem’. В праславянском он расширил своё значение на ‘ipse’ (где исконным было *sъe-), а затем и на ‘solus’. Параллель для такого перехода мы находим в истории греческого αὐτός.

г) В прабалтийском *somNos, напротив, утратилось, зато в виде *subas сохранилось п.-и.-е. *sъe ‘ipse’. Затем, уже в истории правосточнобалтийского, в этом значении возникло новообразование *pats.

Библиография

БОРИСОВА 1990

БОРИСОВА Е. Г., “Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении”, *Вопросы языкознания*, 2, 1990, 113–120.

ГАМКРЕЛИДZE, ИВАНОВ 1984

ГАМКРЕЛИДZE Т. В., ИВАНОВ Вяч. ВС., *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, Тбилиси, 1984.

ЕЛИЗАРЕНКОВА, 1–3

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., *Ригведа*, 1–3, Москва, 1999.

ЕЛЬМСЛЕВ 2006

ЕЛЬМСЛЕВ Л., *Пролегомены к теории языка*, Москва, 2006.

ЕСУМ, 1–6

Етимологічний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

КИБРИК 1996

КИБРИК А. Е., “Связанные употребления лексемы САМ (системно-когнитивный анализ)”, in: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*, Москва, 1996, 494–509.

КИБРИК, БОГДАНОВА 1995

КИБРИК А. Е., БОГДАНОВА Е. А., “Сам как оператор коррекции ожиданий результата”, *Вопросы языкознания*, 3, 1995, 28–47.

МАЖЮЛИС 1956

МАЖЮЛИС В. П., “Индоевропейская десятичная система числительных”, *Вопросы языкознания*, 4, 1956, 53–59.

СЕМЕРЕНЬИ 2002

СЕМЕРЕНЬИ О., *Введение в сравнительное языкознание*, Москва, 2002.

СРНГ, 1–48

Словарь русских народных говоров, 1–48–, Москва, 1965–2015–.

ЭДЕЛЬМАН 1990

ЭДЕЛЬМАН Д. И., *Сравнительная грамматика восточноиранских языков*, Москва, 1990.

ЭСИЯ, 1–4

Этимологический словарь иранских языков, 1–4–, Москва, 2000–2007–.

ЯНКО 2001

ЯНКО Т. Е., *Коммуникативные стратегии русской речи*, Москва, 2001.

ADAMS 2013

ADAMS D. Q., *A Dictionary of Tokharian B*, Amsterdam, New York, 2013.

ADAMS, MALLORY 2006

ADAMS D. Q., MALLORY J. P. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*, Oxford, 2006.

ARUMAA 1985

ARUMAA P., *Urslavische Grammatik, 3: Formenlehre*, Heidelberg, 1985.

BARTHOLOMAE 1904

BARTHOLOMAE CHR., *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904.

BEEKES 2010

BEEKES R., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.

——— 2011

BEEKES R., *Comparative Indo-European Linguistics*, Amsterdam, Philadelphia, 2011.

BLAŽEK 1999

BLAŽEK V., *Numerals*, Brno, 1999.

DERKSEN 2008

DERKSEN R., *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

DUNN 1914

DUNN J., *The Ancient Irish Epic Tale Táin Bó Cúalnge*, London, 1914.

ESSJ, 1–2

Etymologický slovník slovanských jazyků, 1–2, Praha 1973–1980.

HASPELMATH 2014

HASPELMATH M., "The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison," in: *The New Psychology of Language*, 2, Hove, 2014, 211–242.

IEN 1992

Indo-European Numerals, Berlin, New York, 1992.

KLOEKHORST 2008

KLOEKHORST A., *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

KROONEN 2013

KROONEN G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.

LEHMANN 1986

LEHMANN W., *A Gothic Etymological Dictionary*, Leiden, 1986.

MACHEK 1968

MACHEK V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.

MARTIROSYAN 2010

MARTIROSYAN H. K., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2010.

MATASOVIĆ 1997

MATASOVIĆ R., *Kratka poredbenopovijesna gramatika latinskoga jezika*, Zagreb, 1997.

——— 2009

MATASOVIĆ R., *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*, Leiden, Boston, 2009.

MAYRHOFER, 1–4

MAYRHOFER M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 1–4, Heidelberg, 1956–1980.

MEILLET 1949

MEILLET A., *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*, Paris, 1949.

- MEYER 1891
MEYER G., *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg, 1891.
- OREL 1998
OREL V., *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden, Boston, Köln, 1998.
- 2003
OREL V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Leiden, Boston, 2003.
- PATOTA 2002
PATOTA G., *Lineamenti di grammatica storica dell'italiano*, Bologna, 2002.
- PINAULT 2006
PINAULT G.-J., "Retour sur le numéral «un» en tokharien," *Indogermanische Forschungen*, 111, 2006, 71–97.
- REJZEK 2001
REJZEK J., *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.
- RINGE 2006
RINGE D., *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*, Oxford, 2006.
- SIHLER 1995
SIHLER A., *New Comparative Grammar of Greek and Latin*, New York, Oxford, 1995.
- SMOCZYŃSKI 2007
SMOCZYŃSKI W., *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.
- STANG 1966
STANG CHR. S., *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*, Oslo, Bergen, Tromsø, 1966.
- DE VAAN 2003
DE VAAN M., *The Avestan Vowels*, Amsterdam, New York, 2003.
- 2008
DE VAAN M., *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*, Leiden, Boston, 2008.
- WALDE, HOFMANN, 1–2
WALDE A., HOFMANN J., *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 1–2, Heidelberg, 1938–1954.
- WATKINS 1998
WATKINS C., "Proto-Indo-European: Comparison and Reconstruction," in: *The Indo-European Languages*, London, New York, 1998, 25–73.
- WINDISCH 1905
WINDISCH E., *Die altirische Heldensage Táin Bó Cúalnge*, Leipzig, 1905.
- WRIGHT 1966
WRIGHT J., *Grammar of the Gothic Language*, Oxford, 1966.

References

- Adams D. Q., *A Dictionary of Tokharian B*, Amsterdam, New York, 2013.
- Adams D. Q., Mallory J. P. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*, Oxford, 2006.
- Arumaa P., *Urslavische Grammatik, 3: Formenlehre*, Heidelberg, 1985.
- Beekes R., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.
- Beekes R., *Comparative Indo-European Linguistics*, Amsterdam, Philadelphia, 2011.
- Blažek V., *Numerals*, Brno, 1999.
- Borisova E. G., "The Communicative Structuring of the Utterance as Reflected in the Lexical Meaning," *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 1990, 113–120.
- Derksen R., *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

- Edel'man D. I., *Sravnitel'naia grammatika vos-tochnoiranskikh iazykov*, Moscow, 1990.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs., *Indoevro-peiskii iazyk i indoevropeitsy*, Tbilisi, 1984.
- Haspelmath M., "The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison," in: *The New Psychology of Language*, 2, Hove, 2014, 211–242.
- Hjelmslev L. T., *Prolegomena to a Theory of Lan-guage*, Moscow, 2006.
- Kibrik A. E., "Sviazannye upotrebleniia leksemy SAM (sistemno-kognitivnyi analiz)," in: *Rusistika. Sla-vistika. Indoevropeistika*, Moscow, 1996, 494–509.
- Kibrik A. E., Bogdanova E. A., "Russian 'Sam' as an Operator of Correction of the Hearer's Expectations," *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 1995, 28–47.
- Kloekhorst A., *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.
- Kroonen G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.
- Lehmann W., *A Gothic Etymological Dictionary*, Leiden, 1986.
- Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.
- Martirosyan H. K., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2010.
- Matasović R., *Kratka poredbenopovijesna grama-tika latinskoga jezika*, Zagreb, 1997.
- Matasović R., *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*, Leiden, Boston, 2009.
- Mayrhofer M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wör-terbuch des Altindischen*, 1–4, Heidelberg, 1956–1980.
- Mažiulis V., "Indoeuropeiskaia detsimal'naia sistema chislitel'nykh," *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 1956, 53–59.
- Meillet A., *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*, Paris, 1949.
- Orel V., *Albanian Etymological Dictionary*, Lei-den, Boston, Köln, 1998.
- Orel V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Lei-den, Boston, 2003.
- Patota G., *Lineamenti di grammatica storica dell'italiano*, Bologna, 2002.
- Pinault G.-J., "Retour sur le numéral «un» en tokharien," *Indogermanische Forschungen*, 111, 2006, 71–97.
- Rejzek J., *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.
- Ringe D., *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*, Oxford, 2006.
- Sihler A., *New Comparative Grammar of Greek and Latin*, New York, Oxford, 1995.
- Smoczyński W., *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.
- Stang Chr. S., *Vergleichende Grammatik der Bal-tischen Sprachen*, Oslo, Bergen, Tromsø, 1966.
- Szemerényi O. J. L., *Introduction to Indo-Euro-pean Linguistics*, Moscow, 2002.
- de Vaan M., *The Avestan Vowels*, Amsterdam, New York, 2003.
- de Vaan M., *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*, Leiden, Boston, 2008.
- Walde A., Hofmann J., *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 1–2, Heidelberg, 1938–1954.
- Watkins C., "Proto-Indo-European: Comparison and Reconstruction," in: *The Indo-European Lan-guages*, London, New York, 1998, 25–73.
- Wright J., *Grammar of the Gothic Language*, Ox-ford, 1966.
- Yanko T. E., *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*, Moscow, 2001.

Михаил Николаевич Саенко, канд. филол. наук
Институт славяноведения РАН, научный сотрудник
Отдела славянского языкознания
11991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А
Россия/Russia
veraetatis@yandex.ru

Received June 3, 2016